

ПОЖАРЪ И ПОТОПЪ.

Прусскій вольный корабельный мастеръ Якимъ Нетельбекъ работаль со своими плотниками на верфи, у Кенигсберга, когда пробѣжалъ по народу крикъ и говоръ, что на устьѣ рѣки Прегеля, въ купецкой гавани, загорѣлся голландскій корабль со льномъ. Мастеръ Якимъ бросился со своимъ народомъ туда — и увидѣль, что пламя уже вскидывало конскимъ хвостомъ вверхъ изъ кормовыхъ портовъ голландца; народъ же прорубиль палубу во многихъ мѣстахъ и заливалъ пожаръ сверху водою. Но этимъ давали только огню больше простора, а ведрами уже нельзя было его унять. Между тѣмъ вокругъ стояло множество другихъ судовъ, а на самомъ берегу были товарные склады и запасы.

Видя, что на мѣстѣ нѣтъ путнаго указчика и что того—гляди всю гавань охватить огнемъ, мастеръ Якимъ кинулся на горящее судно, схватилъ за плечо шкипера и закричалъ: Ты обезумѣль,

сердечный! Что ты дѣлаешь? вели скорѣе затопить судно, тебѣ нѣтъ другаго спасенія.

Но ни шкиперъ, ни другой кто не хотѣлъ слушать этого совѣта; всѣ метались, словно безъ ума, кто съ топоромъ, кто съ ведромъ — а пожаръ усиливался, пламя хлестало во всѣ концы и выживало людей. Якимъ схватилъ за руку одного изъ своихъ плотниковъ, соскочилъ съ нимъ въ шлюпку и придержавшись у борта горящаго корабля, приказалъ ему прорубить дыру въ обшивкѣ, вплоть у воды. Но плотникъ, боясь отвѣта, отказался.

Якимъ выхватилъ у него изъ рукъ топоръ, приказалъ ему держаться крюкомъ у борта, и принялся самъ рубить. Какъ только прорубилъ онъ окошко, то пошелъ рубить его ниже и ниже, покуда ни хлынула въ него вода. Тотчасъ бросился онъ на судно, гдѣ толпилась сотня безтолковаго народа, и кричалъ, расталкивая всѣхъ въ право и въ лѣво: спасайтесь на-берегъ, судно тонетъ! Слышите, судно идетъ ко-дну, спасайтесь!

И точно, корабль началъ ложиться на бокъ; тогда народъ очнулся и, повѣривъ Якиму, бросился по сходнямъ на берегъ. Вскорѣ судно, оправившись, стало садиться, и сѣло на дно, погрузившись до половины мачтъ.

Тревога затихла, огня не стало, всѣ смотрѣли разинувъ ротъ и спрашивали: Кто это сдѣлалъ? — Кто затопилъ судно? — Я затопилъ, отвѣчалъ мастеръ Якимъ, а самъ пошелъ домой.

Шумъ и говоръ пошелъ по всему городу; всякъ судилъ и рядилъ по своему — а на другой день Якима потребовали въ судъ. Мнѣ прочитали показаніе просителей въ томъ, говоритъ мастеръ Якимъ, будто я затопилъ корабль съ товаромъ и причинилъ этимъ на сотню тысячъ рублей убытку. Такъ ли, спросили меня, и что скажешь въ оправданіе свое?

Такъ-то такъ, отвѣчалъ я, да что же болѣе тутъ дѣлать было? Вѣдь судно все стояло въ огнѣ, лень въ трюмѣ горѣлъ яримъ пламенемъ, которое выбивало уже во всѣ концы; неужто такой пожаръ вы

зальете ведромъ? Да кабы и можно было погасить его, такъ развѣ задушить подъ палубой, закрывъ всѣ люки — но и этого нельзя; лень не такой товаръ, а тутъ еще принялись прорубать палубу! Пошлюсь на тысячу свидѣтелей, что судно чрезъ четверть часа стояло бы въ огнѣ кругомъ; тогда не было бы къ нему никакого приступа и вскорѣ не только вся купецкая гавань была бы обнята пламенемъ, а сгорѣли бы и склады и запасы, и цѣлые ряды сараевъ и навѣсовъ на берегу — да Богъ вѣсть, кто порукой, можетъ—статься и весь городъ Кенигсбергъ! Посудите, господа, и порядите праведно, по людски и по Божьи: я худа не сдѣлалъ, а спасъ только гавань, верфи и городъ отъ большой бѣды!

Обсудивъ дѣло на мѣстѣ, судъ опять призвалъ въ присутствіе, какъ просителей, такъ и корабельнаго мастера Якима, и объявилъ ему, мастеру Якиму, отъ имени города и начальства благодарность. Хозяинъ затопленнаго судна и купцы, погрузившіе на него товаръ свой, почесали

затылки, но наконецъ подавъ Якиму руки, сказали: Ты правъ, Якимъ, и дѣло твое правое.